

да сделалась беззащитной добычей франков, Михаила Акомината должна была покинуть мысль о сопротивлении. Равным образом и брат его, летописец Никита; признает братнин образ действий вполне разумным и вызванным необходимостью, хотя высказывает мнение, что святой муж одними своими молитвами мог бы свести на врагов с небес молнии и заручиться заступничеством свыше.

В конце 1204 г. латинцы впервые с эпохи Суллы вступили в качестве победителей в крепость Кекропса. Она уже давным-давно превратилась попросту в скалу, посеревшую от древности. Крепость византийцами не укреплялась, и в середине ее высился древний Парфенон, к которому, как и в прежние языческие времена, народ через Пропилеи стекался в торжественных процессиях на празднества, совершавшиеся в честь Пресвятой Девы, сменившей Афины-Палладу. Бесчисленные мраморные обломки покрывали откосы известняковой крепостной площади, имевшей 1100 фут. длины при 450 фут. ширины. Обломки колонн и статуй, опустелые фундаменты, низверженные алтари, бесчисленные стелы с изваяниями и высеченными в них посвящениями, некогда красовавшиеся вдоль дороги и лестниц, теперь представляли груду мусора, заплетенную растениями, и являлись лабиринтом, где, пожалуй, уже похозяйничали кладоискатели, но развалин этих, конечно, не касалась рука исследователей-антиквариев, и несомненно, эти остатки старины навевали и большую меланхолию, и большее очарование, нежели римский Капитолий или Палатинский холм в ту эпоху.

Из более мелких памятников древней святыни Акрополя храмы брауронской Артемиды, Ромы и Августа уже, конечно, превратились в развалины, но изящная часовня, посвященная Нике Аптерос, сохранилась в неприкосновенности и красовалась во всем блеске над обширной мраморной лестницей на южном пиргосе Пропилеев. Парфенонская церковь и Эрехтеум в совокупности с прилежащими к ним зданиями, где жило духовенство, являлись главным центром поселка клириков, тогда как Пропилеи и западные и южные склоны крепости, быть может, были приспособлены